

300
лет

**РОССИЙСКОЙ И
НОВО-НАХИЧЕВАНСКОЙ
ЕПАРХИИ АРМЯНСКОЙ ЦЕРКВИ**
исторический путь и современность

1717—2017

Российская и Ново-Нахичеванская епархия Армянской
Апостольской Церкви
Национальная академия наук Республики Армения
Ереванский государственный университет

300
лет

РОССИЙСКОЙ И
НОВО-НАХИЧЕВАНСКОЙ
ЕПАРХИИ АРМЯНСКОЙ
АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ

исторический путь и современность

1717—2017

Материалы Международной конференции
Москва, 15–16 сентября 2017 г.

Издательство «Ключ-С»
Москва, 2018

Tatevik Sargsyan (Russia)

From the history of the Armenian Church in Crimea and Volga Region in the 14–15th centuries

The institutional presence of the Armenian Church in the Northern Black Sea Coast and in the Northern Caspian region can be traced from the very beginning of the 14th century. It was the time, when the Armenian colonies here, formed after several migrations of the Armenians to the North, began to gain momentum. The most significant was the migration of the 60-s of the 13th century, when the Armenian urban population moved to the capital of the Golden Horde Saray with the approval of the khan. At the very end of the 13th century and in the second decade of the 14th the most of Saray Armenians moved to Crimea and settled in both Italian factories and under the direct control of the Mongol-Tatars.

The Armenian diocese in Northern Black Sea Coast was ruled by the archbishop of «Northern Sides», or «Northern Country», whose residence was in Crimea. The first mention of him – the locum tenens of the Catholicos of the Armenian Church – dates back to 1316. Another archbishop, whose residence was in Saray, headed the diocese of the Volga region. The first mention of him dates back to 1319.

The Armenian clergy of Crimea was concentrated both in urban spiritual centers and in remote monasteries at which parish schools, seminaries and scripts were functioning. With the seizure of the peninsula by the Turks in 1475, the Armenian colony suffered heavy human losses. At the same time, the Turkish and Tatar administrations created tolerant conditions for the Armenian clergy and left at its disposal the city churches. However, the diminished Armenian population was not able to maintain all the church buildings. Some of them collapsed, while the others were given to the Catholics and Greeks who had lost their religious buildings. The present confusion in the attribution of a number of medieval churches in Crimea is explained precisely by the fact that the Armenian period in their history was alternated with Greek or Catholic.

Key words: archbishop of Northern Sides; Armenians of Saray; Armenians of Crimea; Armenian diocese of Crimea; Armenian diocese of Saray.

ТАТЕВИК САРГСЯН
(Россия)

ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНСКОЙ ЦЕРКВИ В КРЫМУ И В ПОВОЛЖЬЕ В XIV–XV ВВ.

По мере становления Российской империи и расширения ее границ местная епархия Армянской церкви пополняла численность прихожан за

счет представителей армянских переселенческих очагов тех стран и земель, которые со временем входили в состав империи. Некоторые из этих очагов издавна имели собственные епископаты и были известны богатым духовно-культурным прошлым. К числу таковых относятся армянские колонии Северного Причерноморья и Северного Прикаспия, в которых институциональное присутствие Армянской церкви прослеживается уже с самого начала XIV в.

С Северным Причерноморьем и Северным Прикаспием армян исстари связывали разные по характеру отношения: как военная поддержка интересов того или иного правителя, так и активное участие в деятельности торгово-ремесленной сферы. Еще в I в. нашей эры Страбон писал о коммерческих связях армян и мидийцев с народами, жившими между Азовом и Каспием: «<...> народы между Меотидою и Каспием – кочевники <...>. Они занимали большую страну, <...> вели караванную торговлю индийскими и вавилонскими товарами, получая их от Армян и Медия <...>»⁶⁹⁰. Далее, в известном армянском источнике VII в. «Землеописании» встречаем упоминание северочерноморского региона, в частности Таврического полуострова – современного Крыма. Этот труд хотя и носит определенное влияние произведений античных авторов, в первую очередь «Географии» Клавдия Птолемея, однако в деталях весьма самостоятелен: «И есть в Карпатии маленький край христианства – Таврический полуостров, то есть Херсон, что находится между Бюкинским озером и морем Меотис, и Понтосом, и [местом] впадения реки Каркинитиды в одноименный залив. А язычников [там] много; одни из них называются Амаксабио, которые кочевники. Имеет семь гор полукругом. Выпускает в Понтос много рек, которые, объединившись, впадают: одну называют Кочо⁶⁹¹ <...>»⁶⁹². Не исключено, что использование в приведенном отрывке топонима «Херсон» есть не просто внесение в текст греческого эквивалента к слову «полуостров», а намек на определенную известность одноименного таврического города (близ Севастополя) в Армении. Для автора «Землеописания» этот первоначальный очаг христианства на полуострове мог быть наиболее значимым и существенным явлением здесь. Возможно даже, что его в армянских источниках встречаем раньше, нежели «Таврический полуостров» «Землеописания»: имя епископа Херсона Ампелия сохранилось во втором послании армянского католикоса Бабкена, правившего в 490–516 гг. Пори-

⁶⁹⁰ Страбон. География в семнадцати книгах. Книга XI. Глава 5. Абзац 8. Здесь и далее многоточиями (<...>) обозначены сокращения, сделанные автором статьи.

⁶⁹¹ Есть предположение, что этим именем назван Днепр или даже Днепровский лиман (см.: Артамонов М.И. История хазар. Ленинград, 1962. С. 168).

⁶⁹² Иакобян А. «Землеописание» неизвестного автора VII века. Научно-критический текст подлинника // Հանդէս ամսօրեա (Handes Amsorea). Вена, 2013. Кол. 80–81 (на арм. яз.). Использованные в статье армянские тексты переведены Т.Э. Саргсян. Здесь и далее квадратные скобки ([])) применяются при введении уточнений и разъяснений в авторский текст.

Т. Саргсян. Из истории Армянской церкви в Крыму и в Поволжье XIV–XV вв.

цая заблуждения о смешанном естестве Христа, в свое время отвергнутые Никейским собором, Бабкен ссылается именно на Ампелия: «О том и великий Ампелий, епископ города Херсона, любитель и служитель истинной веры, написал точно и правдиво <...>⁶⁹³.

Утверждать, что в послании речь идет именно о таврическом (крымском) городе Херсоне, или Херсонесе, конечно, затруднительно. Этот вопрос требует дополнительного исследования. В рамках данной темы отметим, что в некоторых армянских агиографических сборниках, в частности тех, которые имеют крымское происхождение, присутствуют жития первых епископов «К'ерсона», претендующие на воспроизведение истории зарождения христианства в Херсонесе Таврическом в конце III – начале IV в.⁶⁹⁴

Как бы то ни было, становление армянских многолюдных колоний Северного Прикаспия и Северного Причерноморья явилось результатом нескольких миграций армян в эти земли, хорошо известные им с давних времен. Определяющую роль в этом процессе сыграло переселение значительного числа городского населения: большей частью жителей Ани – некогда столицы централизованного Армянского царства Багратидов. Первая фаза этой миграции, в ходе которой переселенцы «с позволения татарского хана» обосновались в столице Золотой Орды Сарае, датируется 60-ми гг. XIII столетия. Вторая фаза, охватившая самый конец XIII в. и вторую декаду XIV в.⁶⁹⁵, ознаменовалась переселением внушительного числа армян из Сарая в Восточный Крым. Некоторые представители рассматриваемой миграционной волны даже продолжили путь в сторону Галиции и Валахии.

Письменные источники, рассказывающие о переселении «жителей Ани» в Сарай, а затем в Крым в XIII–XIV вв., относятся к 1672⁶⁹⁶ и 1690 гг.⁶⁹⁷, но в первом из них отмечается, что история эта была хорошо известна среди крымских армян и веками передавалась из поколения

⁶⁹³ Адонц Н.Г. Ампелий, епископ Херсонский (к критике армянской «Книги посланий») // Христианский Восток. Т. II. СПб., 1913. С. 176.

⁶⁹⁴ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Том I. Глава V. Харьков, 2012. С. 101–131.

⁶⁹⁵ См.: Саргсян Т.Э. Переселение жителей Ани в Крым и его датировка // «Научные труды» Центра арменоведческих исследований Ширака НАН РА. Прак 20. Ереван, 2017. С. 121–131 (на арм. яз.).

⁶⁹⁶ «История страны Крым, изложенная вардапетом Мартиросом Крымцем в стихотворной форме» в кн.: Мартиросян А.А. Мартирос Крымц. Ереван, 1958. С. 142–152 (на арм. яз.); Армянские поэты Крыма XV–XX вв. Симферополь–Ереван, 2008. С. 141–151 (на арм. яз.).

⁶⁹⁷ Ереван. Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7442. Л. 281 а–282 об. Отрывки из этого текста в переводе на русский язык см.: Айвазовский Г. Заметка о происхождении новороссийских армян // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). – Том VI. Одесса, 1867. С. 552–554.

в поколение⁶⁹⁹. Очевидно, что перемещение значительного числа армянского городского населения в Северный Прикаспий – из-под власти Ильханата (Хулагуидов) в Золотую Орду (к Джучидам) – было обусловлено как разрушением монголо-татарами крупных городов Армении, так и основательным разорением ими же (в частности Хулагидами) магистрального тракта и наложенной торговой системы. Городским жителям, в большинстве своем ремесленникам и торговцам, ничего другого не оставалось, как искать новые места жительства – в том числе и там, где те же монголо-татары уже пытались организовать собственные города и торговые артерии. В свою очередь, возможности, предоставленные армянам в Сарае, свидетельствуют, что их переселение приветствовалось ордынской администрацией, которая в деле становления своей столицы рассчитывала на разносторонние навыки жителей некогда знатных армянских городов. Мало того, после восшествия на престол хана Узбека (1313) эта администрация признала за армянами-переселенцами ключевую роль в налаживании деятельности торговой магистрали по территории Орды. Этим следует объяснить перемещение части армян из Сарая в Крым. Оно явилось ответом на появление итальянских, в частности генуэзских, факторий в городах и поселениях Северного Причерноморья и резко повысило их роль в международной торговле. Что касается армян, оставшихся в Прикаспии, то они не только стали одной из движущих сил торговли по нижнему и среднему течению Волги, но и приняли живое участие в застройке и обустройстве поволжских городов и селений. В этом отношении показательны названия товаров (к примеру, долгое время чуваши к слову «шелк» (пурсан) добавляли «армянский» (эрмен) в качестве определения), найденные в Болгарах, Казани и окрестных поселениях эпиграфические надписи (в основном эпитафии), фрагменты водопроводных систем, конструкции фортификаций, бань и так далее⁷⁰⁰.

Таким образом, армянская колония Старого Сарая, или Сарая-Бату (в 130 км северо-западнее Астрахани), которая сформировалась миграционным потоком, хлынувшим на северное побережье Каспия в 60-х гг. XIII в., через четыре-пять десятилетий разделилась на несколько частей, которые двинулись как на запад, так и на север. Состоявшие из городских жителей, они обладали мощным цивилизационным потенциалом, гораздо

⁶⁹⁹ Мартироски А.А. Мартирос Крымечи. С. 143; Армянские поэты Крыма XV–XX вв. С. 142.

⁷⁰⁰ См.: Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 247, 573; Миллер Б.В. Об армянских надписях в Болгарах и Казани // Известия Российской академии истории материальной культуры. Ленинград, 1925. С. 75–80; Yablonitsky L.T. Medieval Bolgar Population // Great Bolgar. Kazan, 2015. Р. 290–297; Baranov V.S. Development of Urban Culture // Great Bolgar. Р. 237; Krasnov Y.A. Defensive Constructions // Great Bolgar. Р. 221–223.

более сильным, нежели предшествовавшие и последующие волны армян-переселенцев. Потенциалом, который был отторгнут от породившего и сформировавшего его отечества и в течение нескольких столетий удивлял разнообразием проявлений и блеском.

Благоприятные условия, сложившиеся на севере Черного моря со второй четверти XIV в., равно как и присутствие солидного числа армян, притягивали сюда массы армян-переселенцев из различных областей Исторической Армении. Особенно много было выходцев из провинций, некогда известных как Малая Армения и Высокая Армения, что было связано с царящей в них нестабильной обстановкой. По этому поводу имеем несколько свидетельств. Так, в 1320 г. в город Кафу, нынешнюю Феодосию, прибывает епископ Себастии (в Малой Армении, ныне Сивас в Турции) Степанос, который в своем Евангелии делает следующую запись: «И вновь я, недостойный Степанос, епископ столицы Себастии, взяв неприступное сокровище, поучение о (вечной) жизни и высокую заповедь – Богом сказанное святое Евангелие, (сделался) беженцем из-за иноплеменников и приехал в столицу Кафу, остался (здесь) некоторое время пока возвращусь в дом наш родной»⁷⁰¹. Другой автор, известный писец и миниатюрист Натер, который вместе с семьей переехал в Крым из провинции Баберд (в Высокой Армении, ныне Байбурт в Турции), в 1341 г. пишет: «И было бегство из всех провинций, а также городов, повсеместно – христиан и мусульман, и всех жителей, из-за двух князей, имена которых не следует упоминать здесь. И все сбежали и отправились в чужие края...»⁷⁰². В Крыму семья Натера обосновалась в городе Сурхате (Солхат, Солкат, Крым, ныне – город Старый Крым), в армянском квартале Верхний, и прославилась несколькими поколениями известных писцов и миниатюристов⁷⁰³.

Приезд новых потоков армян-переселенцев в первой половине XIV в. привел не только к увеличению населения издавна существовавших армянских поселений в Крыму и в Приазовье, городских и сельских кварталов, обособленных по национальному признаку, но и к появлению новых армянских сел, городских предместий, монастырей и церквей. Один из армянских писцов, описывая ситуацию в Крыму в этот период, пишет: «Тогда возмогучились мы и умножились, и построили села и области; князья и знать, начиная от Карасубазара до Сурхата и Феодосии, горы и равнины

⁷⁰¹ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Сост., русс. пер., введ. и примечания Т.Э. Саргсян. Симферополь, 2008. С. 64 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7651. Л. 270).

⁷⁰² Памятные записи армянских рукописей XIV века / Сост. Л. Хачикян. Ереван, 1950. С. 327 (на арм. яз.).

⁷⁰³ См.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). С. 75, 85, 90, 104, 134, 145, 152, 158, 162; Микаелян В.А. История армянской колонии в Крыму. Ереван, 1964. С. 297–300 (на арм. яз.); Корхмазян Э.М. Армянская миниатюра Крыма. Ереван, 1978. С. 27–29, 36–43.

переполнили монастырями и церквями. И построили мы домов сто тысяч и церквей тысячу <...>⁷⁰³. Итак, согласно приведенному источнику, армяне, переселившиеся в Крым в первой половине XIV в., обосновались не только в населенных пунктах береговой линии, арендованных итальянцами у монголо-татар, но и на землях, находившихся под непосредственным контролем монголо-татар, – в городах Карасубазаре (ныне Белогорск), Сурхате и близлежащих к ним селениях.

Как с итальянцами, так и с монголо-татарами армян связывали давние отношения, развивавшиеся в контексте политических и экономических приоритетов Киликийского царства Армении. Взвешенные и гибкие действия киликийских королей привлекали в порты страны торговые компании из Венеции, Генуи, Пизы, Флоренции и приносили большие доходы. В киликийских гаванях, являвшихся важнейшими транзитными звеньями торговой системы Восток-Запад, латиняне занимали целые кварталы с жилыми зданиями, складами и канцеляриями. Падение княжеств крестоносцев на Ближнем Востоке и ослабление Киликии принудило итальянских, равно как и армянских, купцов перенести акценты на черноморские порты, что с начала XIV в. резко подняло их значение в мировой торговле.

Что касается отношений с татаро-монголами, то, в целом не отличаясь особой теплотой, они также несли на себе благотворное влияние политики Киликии. Исходя из необходимости установления взаимовыгодных отношений с ними, киликийский царь Этум I в 1254 г. отправился в Каракорум к хану Мунки и заключил с ним договор о военном сотрудничестве и взаимопомощи. Этому также была пожалована грамота, которая освобождала духовенство Армянской церкви от налогов на всем пространстве монгольских владений⁷⁰⁴. Примечательно, что на территории Орды и постордийских государств армянские церковнослужители несколько веков пользовались этой грамотой.

Самой известной и многолюдной среди армянских колоний Северного Причерноморья и Северного Прикаспия была крымская, небывалый расцвет которой пришелся на вторую половину XIV – первую половину XV в. Столь велики были в тот период численность и влияние армян в Крыму, что в самой Армении он воспринимался как «верхняя страна армянская»⁷⁰⁵. Высшее католическое духовенство же, в своих обращениях к армянам, восточное побережье полуострова именовало *Armenia mari-*

tina (Приморская Армения)⁷⁰⁶ или *Armenia majoris* (Большая Армения), а некоторые его города называли «армянскими»⁷⁰⁷.

Основным источником, проливающим свет на различные аспекты истории крымских армян XIV–XV вв., являются памятные записи, или же колофоны. Помещены они в написанных в Крыму армянских манускриптах, ныне хранящихся в различных библиотеках и музеях мира. Согласно этим свидетельствам, жизнь колонии регулировалась как светской, так и церковной властями. Первую в крупных городах осуществляли советы старейшин, а в селах – старосты. И те, и другие периодически переизбирались. Что касается церковной власти, то по отношению к приверженцам Армянской церкви, составлявшим подавляющее большинство крымских армян, ее осуществлял глава епархии. С 40-х гг. XIV в. источники именуют его архиепископом «Северного края», «Северных сторон», или же «Всех северных сторон». Эти названия, наполненные лишь географическим содержанием, подразумевают территории Крыма, Приазовья и, возможно, нижнего течения Днепра.

Когда был учрежден епископат Северных сторон, неизвестно, однако армянский епископ в Крыму упоминается уже в начале XIV в. Так, Устав города Кафы 1316 г. узаконивал неприкосновенность «издревле» находившихся в городе армянских церквей и их земель, а также водопровода, проложенного «достопочтенным епископом армян»⁷⁰⁸. Причем этого епископа папство держало в центре внимания, в надежде склонить его и его паству к католичеству. С этой целью в 1318 г. папа Иоанн XXII обращается к «почтенному брату <...> архиепископу армян, и его возлюбленным сынам – всем священникам учрежденной в Кафе епархии», напомнив о данной ими клятве придерживаться католического вероучения⁷⁰⁹.

В исторической достоверности такой клятвы нет смысла сомневаться. Ее следует рассматривать в русле официальной позиции католикосата Армянской церкви, который, исходя из политических соображений, был вынужден созвать несколько церковных соборов (в 1307 и 1316 гг.) и признать верховенство папы. Пользуясь этим, папство развернуло активную деятельность, особенно в армянских переселенческих очагах, отдаленных от метрополии и более уязвимых. Однако армянское духовенство северных колоний вскоре начало противостоять католическому натиску, проявляя при этом последовательность, никак не присущую католикоса-

⁷⁰³ Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7442. Л. 281 (на арм. яз.).

⁷⁰⁴ Киракос Гандзакеци. История Армении / Пер. с древнеармянского, предисл. и комм. Л.А. Ханларян. М., 1976. С. 224.

⁷⁰⁵ См: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). С. 267 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 6107. Л. 234 об.).

⁷⁰⁶ Saint-Martin J. Analyse d'une tragédie arménienne (Sainte Ripsimé), représentée à Léopol le 9 Avril 1668 // Journal Asiatique. Sér. I. Vol. 2. Paris, 1823. P. 23–24.

⁷⁰⁷ См.: Послание папы Евгения IV к епископу Солдайи Августину (Кеппен П.И. Крымский сборник: О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб, 1837. С. 135).

⁷⁰⁸ Микаелян В.А. История крымских армян. Ереван–Симферополь, 2004. С. 14 (основывается на: *Impositio Officii Gazariae* // *Historiae Patriae Monumenta*. Tomus 2. Torino, 1838. P. 380).

⁷⁰⁹ Acta Iohannis PP. XXII (1317–1334) // Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis (CICO) / ed. A. L. Täutu. Fontes, Series III. Vol. VII. T. 2. Nr. 10.

ту, стесненному задачами государственной важности, решение которых связывалось с папством. Союзу с последним, во многом навредившему Киликии и отвергнутому большинством духовенства и народом, был положен конец в 1361 г. – аннулированием решений церковных соборов начала XIV в.

Духовного главу армян, упомянутого в Уставе Кафы 1316 г. и папском послании 1318 г., звали Аракел. К нему – к «архиепископу армян Аракелу и ко всем священникам в переселенческих очагах Казарии» папа Иоанн XXII обращается в следующей своей энциклике, датированной 1321 г.⁷¹⁰. Таким образом, уже в 1321 г. формулировка «всем священникам учрежденной в Кафе епархии» папе представляется слишком ограниченной, чтобы в полной мере охватить адресатов послания, и он прибегает к более обширному понятию «Казария». Последнее, в форме написания «Газария», присутствовало в официальном назывании генуэзских владений в Северном Причерноморье (*Officium Gazariae*) как дань памяти о существовавшем здесь в VII–X вв. Хазарском каганате.

Архиепископа Аракела упоминают и армянские источники. Так, переписчик Симеон в памятной записи 1316 г. к своей книге Четви Миней сообщает, что перенял последнюю в Кафе, во времена католикоса Костандина, короля Киликийской Армении Ошина и епископа тэр⁷¹¹ Аракела⁷¹². В памятной записи другой книги, датируемой 1324 г., писец Себер Арзрумци уже перечисляет добродетели епископа тэр Аракела⁷¹³.

Преемником Аракела становится архиепископ Степанос, которого папа Бенедикт XII своей энцикликой от 1340 г. приглашает в Авиньон, чтобы рассеять возникшие у него сомнения относительно католического вероучения. Примечательно, что в этом послании папа уже называет Степаноса «архиепископом Солхата»⁷¹⁴, видимо, имея в виду местонахождение его резиденции в этом городе или его окрестностях.

Имеющиеся источники позволяют заключить, что папство несколько десятилетий не теряло надежды склонить армян северных колоний к католичеству. Они также дают основание думать, что резиденция архиепископа Северных сторон поначалу находилась в Кафе, но затем, очевидно

⁷¹⁰ Там же. Nr. 49.

⁷¹¹ Слово «тэр» (буквально – владыка, Господь) по традиции Армянской церкви ставится перед именами священнослужителей.

⁷¹² Kevorkian R.H., Ter-Stépanian A. *Manuscrits arméniens de la Bibliothèque nationale de France. Catalogue*. Paris, 1998. P. 650–651; Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). С. 59–60 (Нац. библ. Франции. Рукопись 180. Л. 339 об.).

⁷¹³ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). С. 66 (Матенадаран Монастыря Святого Акоба в Иерусалиме. Рукопись 1690. Л. 248–249).

⁷¹⁴ *Acta Benedicti PP XII (1334–1342)* // *Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis (CICO)* / ed. A. L. Täutu. *Fontes, Series III. Vol. VIII. Città del Vaticano*, 1958. Nr. 51.

еще при тэр Аракеле, была перемещена в Сурхат (Солхат) или его окрестности. При этом важно учесть, что до установления турецкого господства в 1475 г. архиепископы Северных сторон не имели постоянного места пребывания. Престольным становился тот духовный центр, глава которого провозглашался предстоятелем.

Можно с уверенностью констатировать, что архиепископская кафедра армян Северных сторон была учреждена гораздо раньше кафедры польско-молдавских армян с центром во Львове. Достоверно известно, что последняя была учреждена в 1364 г. католикосом Месропом Артагази⁷¹⁵. Возможно даже, что кафедра Северных сторон сформировалась раньше, нежели аналогичный институт в Сарае, о существовании которого позволяют заключить как книжные записи, так и папские энциклики. В одной из последних, относящейся к 1321 г., папа Иоанн XXII обращается к «Степаносу, епископу Сарая»⁷¹⁶. В другой, датированной тем же годом, – к «возлюбленным сынам армянского народа из епархии, учрежденной в городе Сарае»⁷¹⁷. Третья энциклика того же папы от 1329 г. адресована «возлюбленному во Христе брату Павлу [= Погхосу], епископу армян в татарской империи Узбека»⁷¹⁸. Архиепископа Погхоса упоминают и армянские источники. В памятной записи, составленной в 1319 г. в Сарае, говорится, что Евангелие, в которое она помещена, перенято по просьбе доброго пастыря-начальника архиепископа тэр Погхоса: «И писалось сие [Евангелие] <...> во времена богопочитающего и духовного владыки Степаноса – Восточного католикоса армянского, и владыки Костандина – Килийского католикоса, и в царствование армянского [короля] Ошина <...> в столице Сарае, что на северной стороне, вблизи моря Каспийского, которую [= столицу] окружает собой великая и могучая река Этил [= Волга], и под сенью [церквей] Святой Богородицы и животворящего Святого Знамения»⁷¹⁹. То обстоятельство, что столица Сарай локализуется вблизи Каспийского моря, дает основание заключить, что речь идет именно о Старом Сарае. Примечательно также, что автор записи перед именем «Килийского католикоса» ставит имя «Восточного католикоса», подразумевая главу зависящего от Армянской церкви Агванского (Агванк, Агуанк – Кавказская Албания) католикосата. В конце XIV в. престол последнего утвердился в Гандзасарском монастыре (в области Арцах Большой Армении, впоследствии –

⁷¹⁵ Алишан Г. Каменец. *Летопись армян Польши и Румынии*. Венеция, 1896. С. 5–8 (на арм. яз.).

⁷¹⁶ *Acta Iohannis PP. XII (1317–1334)* // *Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis (CICO)*. *Fontes, Series III. Vol. VII. T. 2. Nr. 50*.

⁷¹⁷ Там же. Nr. 51.

⁷¹⁸ Там же. Nr. 112.

⁷¹⁹ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). С. 61 (Матенадаран Конгрегации Мхитаристов в Вене. Рукопись 434. Л. 441).

Нагорно-Карабахская Республика, ныне – Республика Арцах), почему католикосат и стал именоваться Гандзасарским. Следует заключить, что в период, когда верховный патриарший престол Армянской церкви находился в далекой Киликии, в городе Сисе (1293–1441), связи армян северо-восточных переселенческих очагов были более тесны с ближайшим Агванским католикосатом.

Хотя имеющиеся под рукой источники позволяют говорить о кафедрах северных армянских переселенческих очагов лишь с начала XIV в., это не значит, что до описанного времени там не было духовенства и представителей. Во главе колоний всегда стояли лица духовные, иногда – высокого ранга, но из-за отсутствия централизованной системы правления они не были подконтрольны метрополии. Об этом ясно свидетельствует кондак (послание) католикоса Месропа Артазеци от 1364 г., адресованный к армянам Польского королевства и Молдавского княжества. В нем он пишет, что беспокоится за своих соотечественников, которые живут среди других христиан, лишенные мудрого пастыря, «ибо те, кои без одобрения метрополии распоряжались их духовными делами, не имели правомочий и являлись самозванцами»⁷²⁰.

Местоблюстители, как правило, занимали свой пост пожизненно. Претендент на эту должность обязан был представиться католикосу и из его рук получить заверявший полномочия кондак. Этот общеупринятый в Армянской церкви порядок с XIV в. стал распространяться и на отдаленные от метрополии северные епископаты, о чем свидетельствуют послания католикосов к армянам Польской епархии⁷²¹. При этом в большинстве случаев претендентом на пост епархиального главы становился авторитетный представитель местного духовенства, предварительно заручившийся поддержкой своего окружения и паствы⁷²². К примеру, памятная запись 1341 г., составленная в городе Азахе (Тана, Танаис), под покровительством церкви Святого Григора Просветителя, позволяет думать, что упомянутый выше архиепископ Степанос, сменивший епископа Аракела на посту местоблюстителя, происходил из армян крымского города Судака. Последний в армянских источниках XIII–XIV вв. именуется «Сухта» или «Сутах»: «Написана книга в стране наиблагословенного хана Узбека и доброславного сына его Динибека, в городе Азахе, у врат [церкви] Святого Григора Просветителя, в архиепископство тэр Степаноса – сына священника Григора Сухтаци [= Григора родом из Сухты], и вprotoиерейство

тэр Саргиса – сына священника Мануила»⁷²³. Таким образом, архиепископ Степанос был из числа местных армян, а сообщения ряда записей о том, что он был наделен полномочиями посланника (*шփրելշղնրի*), говорят о получении им кондака от католикоса.

К середине XIV в. епархия Северных сторон расширилась и пополнилась настолько, что сам местоблюститель католикоса стал нуждаться в заместителе – наместнике. При архиепископе Степаносе таковым являлся инок Ованэс Себастаци (Себастийский), деятельность которого всецело была связана с Крымом. Так, в записи 1348 г. каллиграф и миниатюрист Аветис, сын известного книжного мастера Натера, сообщает, что завершил написание Евангелия «в патриаршество тэр Мхитара», начальство «владыки Степаноса – архиепископа всех северных сторон», викарием которого в Крыму был инок Ованэс⁷²⁴. В 1357 г. каллиграф Антон пишет, что перенял рукопись во времена армянского католикоса тэр Мхитара, короля Киликийской Армении Костандианоса, архиепископа тэр Степаноса и его полномочного представителя инока тэр Ованэса – толкового и правдивого ритора⁷²⁵.

Инок Ованэс, скорее всего, был одним из молодых служителей монастыря Святого Знамения в Себастии и в Крым прибыл вслед за епископом Себастии Степаносом⁷²⁶. Сам епископ в своей записи 1320 г., частично приведенной выше, упоминает некоего «душою родного» себе инока Ованэса из себастийского монастыря Святого Знамения⁷²⁷.

Согласно памятным записям, инок Ованэс, перебравшийся в Крым вместе с двумя братьями – купцом Акобом и монахом Гхазаром, привез с собой некое Святое Знамение, содержащее частицу древа, на котором был распят Христос⁷²⁸. Известно также, что перед тем как стать представителем архиепископа, он построил в Кафе две церкви – Святого Оксента и Святых Сорока мучеников себастийских⁷²⁹. В 1358 г., будучи уже правой рукой епархиального главы, инок Ованэс «в своем монастыре» основал храм Святого Знамения, в который и поместил привезенную в Крым одновременную святую реликвию⁷³⁰. Как показывает анализ источников, храм этот идентичен центральной постройке знаменитого монастыря Сурб Хач

⁷²⁰ Алишан Г. Каменец. С. 5–8.

⁷²¹ См.: там же. С. 5–8, 9–13, 225–227.

⁷²² См.: там же. С. 225–227; Колли Л.П. Падение Кафы (1474–1475 гг.) // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). № 54. Симферополь, 1918. С. 164–166; Продолжение: ИТУАК. № 55. Симферополь, 1918. С. 164–165.

⁷²³ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). С. 73 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 8030. Л. 327 об.).

⁷²⁴ Там же. С. 104 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7857. Л. 288 об.).

⁷²⁵ Там же. С. 131 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 2039. Л. 319 об.).

⁷²⁶ Саргсян Т.Э., Петросян М.В. Крым. Монастырь Сурб Хач. Симферополь, 2017. С. 58–60.

⁷²⁷ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). С. 63–64 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7651. Л. 270 об.).

⁷²⁸ Саргсян Т.Э., Петросян М.В. Крым. Монастырь Сурб Хач. С. 64–69.

⁷²⁹ Там же. С. 54–56.

⁷³⁰ Там же. С. 35–49; Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). С. 161–162 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 2705. Л. 487).

(Святого Креста) вблизи города Старый Крым и представляет собой выдающийся для средневековой архитектуры Крыма памятник крестово-купольной конструкции.

Инок Ованэс не имел епископского сана: источники называют его «монахом», «иеромонахом» или же «иноком». И несмотря на это, в середине 60-х гг. XIV в. он занял епископский по статусу пост местоблюстителя и совместил две должности вплоть до 80-х гг. того же века. Один из писцов по этому поводу пишет: «Завершена сия [Праздничная Минея] <...> в лето Армянское восемьсот двадцать третью [= 1374] <...> в патриаршество владыки Константина, в епископство и в наместничество тэр Ованэса инока Себастаци <...>⁷³¹. Запись, датированная 1384 г., вновь представляет его наместником, а архиепископом Северных сторон называет его юношеского возраста⁷³². Таким образом, с приходом к власти молодого архиепископа Степаноса инок Ованэс, доживший до преклонного возраста, вновь возвращается на должность наместника.

По всей вероятности, преемником последнего архиепископа Степаноса становится тэр Кюрех, который также совмещает должности архиепископа и наместника. Его упоминают записи 1416–1420 гг. За ним следует восседавший в Кафе тэр Мартирос, который обучался в Армении – у Григора Татеваци. Записи 1427–1428 гг. архиепископом называют Овсэпа Гахатаци, а 1429–1437 гг. – тэр Карапета, восседавшего в монастыре Святого Минаса в Кафе. До начала 70-х гг. XV в. пост архиепископа занимает тэр Магакия, местопребыванием которого был монастырь Святой Анны в Кафе. Его заменяет тэр Карапет – на короткое время. Преемником последнего становится Ованэс Банджаркер. Его упоминают записи 70–80-х гг. XV в.⁷³³

Что касается наместников духовных предстоятелей, то те в XV в. также восседали в Кафе. Наиболее известным и влиятельным среди них был посланец католикоса тэр Саргис. С 20-х гг. XV в. обосновавшись в монастыре Святого Антона близ Кафы, он расширяет его, дополняет новыми строениями. При тэр Саргисе монастырь Святого Антона становится одним из знаменитых духовно-культурных центров Восточного Крыма. Здесь трудятся известные каллиграфы и миниатюристы Кристосатур, Тадэос Авраменц и Оксэнт, действует семинария, где наряду с другими предметами студенты изучают схоластику⁷³⁴.

С середины XV в. происходят серьезные перемены в политической жизни региона, связанные с постепенным распадом Золотой Орды и образованием отдельных ханств. Для этого периода характерны эпизодические

⁷³¹ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). С. 172 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7438. Л. 469).

⁷³² Там же. С. 186–187 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7402. Л. 517 об.).

⁷³³ См.: там же. С. 33–34.

⁷³⁴ Саргсян Т.Э. Монастырь Святого Антона в Кафе // Вестник Матенадарана. № 24. Ереван, 2017. С. 85–111 (на арм. яз.).

упоминания наместников. Тем не менее, в 1448 г. на этом посту встречаем тэр Тому, а в 60-х гг. XV в. – епископа тэр Ованэса⁷³⁵. Далее необходимость продолжает существовать. Примечательно, что со становлением Крымского ханства за архиепископами Северных сторон закрепляется постоянная резиденция. Ею становится монастырь Сурб Хач вблизи Сурхат-Крыма. Поддаются четкому определению и пределы епархии: они совпадают с границами самого ханства. Об этом свидетельствует распространение духовной власти архиепископов Сурб Хача на армян самых окраинных поселений ханства, к примеру, Каушан, о чем сообщают архивные и ликографические источники⁷³⁶.

Армянское духовенство было сосредоточено как в городских церквях, которые, кстати, были самыми многочисленными, так и в пригородных и далеких от населенных местностей монастырях и пустынях. Только в городе Кафе и его окрестностях к середине XV в. функционировало более 40 армянских церквей и монастырей⁷³⁷. В Сурхат-Крыме и вокруг него число армянских духовных центров достигало 10⁷³⁸. В крупных армянских селах, таких как Топты (современная Тополовка), Бахчэли (Богатое), Ортланк (Земляничное), действовало по несколько духовных очагов⁷³⁹.

В корпусе армянских источников XIV–XV вв. сохранились сообщения, констатирующие факты острой религиозной борьбы армянского духовенства Крыма с представителями других конфессий, в особенности – с католиками, в том числе и с армянами-католиками, каковых в Кафе было немало. Так, житель Кафы писец Антон в колофонах 1357 г., помещенном в книгу Четыи Миней, говорит, что «много корпел» над ее созданием и пережил беды и страдания от «кознодеев и еретиков», которые всячески старались добиться срыва его начинания⁷⁴⁰. В этой книге, что на армянском зовется «Тонапатчар» (буквально – О причинах празднеств), обозначены церковные праздники и разъяснено, почему тот или иной праздник отмечается в данный день. Получается, что «кознодеи и еретики» имели претензии к тому, что говорилось в книге Антона, и, заручившись поддержкой католического духовенства, попытались приостановить работу над ее созданием. В продолжении записи писец Антон пишет, что правильность

⁷³⁵ См.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). С. 33–34.

⁷³⁶ См.: Саргсян Т.Э., Петросян М.В. Крым. Монастырь Сурб Хач. С. 128–130.

⁷³⁷ См.: Саргсян Т.Э. О численности армянских духовных центров Кафы–Феодосии // Историческое наследие Крыма. № 21. Симферополь, 2008. С. 22–34.

⁷³⁸ Саргсян Т. Армяне средневекового Сурхата и их церкви // Историко-филологический журнал НАН РА. № 1. Ереван, 2000. С. 107–123 (на арм. яз.).

⁷³⁹ См.: Бжишкян М. Путешествие в Польшу и другие места, обитаемые армянами, произошедшими от предков из города Ани. Венеция, 1830. С. 260–263 (на арм. яз.).

⁷⁴⁰ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). С. 131 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 2039. Л. 320).

приведенных в книге положений подтверждают такие отцы Вселенской церкви, как Петр Александрийский, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст «и другие святые богоносные мужи»: они дают свидетельства о Рождении и Явлении Христа, о всех Господних праздниках и «затыкают рты еретикам», относящим Рождество к 25 декабря, а Благовещение – к 25 марта⁷⁴¹.

Разумеется, религиозную борьбу возглавляли местные церковные предводители. Многие памятные записи 40–80-х гг. XIV в. характеризуют вышеупомянутого инока Ованэса как чистого и правильного христианина, беспощадно борющегося с «еретиками и ариосами»⁷⁴². В 1347 г. один из писцов представляет его как опытного и сведущего знатока священных писаний, побеждавшего диофизитов в богословских спорах⁷⁴³. Приверженцы национального вероучения более свободно почувствовали себя после официального аннулирования в 1361 г. решений церковных соборов 1307 и 1316 гг., признававших верховенство папы над Армянской церковью. Уже в 1363 г. писец Карапет говорит о том же тэр Ованэсе как о преразумном учителе и духовном мудролюбе, который еретиков следовал, на распутных страх наводил, сверкал «внутри церкви, как стоп светочи» и был подобен «крепости, окруженной высоким ограждением»⁷⁴⁴. Религиозные распри часто из идеологической плоскости перемещались в реальную жизнь. В 1365 г. поводом для возмущения армян Кафы стали козни и клевета, вследствие которых «еретикам» была передана армянская церковь Святой Богородицы⁷⁴⁵.

Армяне-католики, которые активно действовали в Восточном Крыму, признавали верховенство римского папы и руководствовались предписаниями лишь ему подчиненных духовных предводителей из числа армян. К примеру, памятные записи, написанные в Кафе в середине XIV в., упоминают некоего владыку Тадэоса – епископа, который поддерживал тесные связи с католическим главой⁷⁴⁶. Из памятной записи 1350 г. становится известным другой епископ – Ованэс «из ордена униатов», являвшийся настоятелем армяно-католического монастыря Святого Николаesa в Кафе⁷⁴⁷. Были даже случаи, когда своими прошениями непосредственно к папе обращались армяне-католики, не занимавшие высоких должностей. Их любезно принимали и щедро одаривали. Так, в 1356 г. из Кафы к папе отправляются Товма Чагкеци и его брат Авагтер, желавшие выразить свою

⁷⁴¹ Там же.

⁷⁴² Там же. С. 141 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 4137. Л. 343 об.).

⁷⁴³ Там же. С. 92 (Матенадаран Монастыря Святого Акоба в Иерусалиме. Рукопись 372. Л. 813).

⁷⁴⁴ Там же. С. 153 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 2611. Л. 132 об.).

⁷⁴⁵ Там же. С. 157 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7458. Л. 262 об.).

⁷⁴⁶ Там же. С. 106, 112.

⁷⁴⁷ Там же. С. 107 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 4921. Л. 248 об.).

преданность Католической церкви. Один из них получает сан епископа, другой – пост предстоятеля одной из католических епархий в Армении⁷⁴⁸.

Меньше всего известно о духовном правлении цатов – армян-халкидонитов. Об их присутствии на полуострове есть прямое сообщение Мхитара Апаранеци от 1410 г.⁷⁴⁹ и косвенные свидетельства некоторых записей греко-православию и использование греческого языка в качестве богослужебного, цаты не только не отождествляли себя со своими единоверцами-греками, но и часто отталкивались от них, вызывая их неприязнь к себе⁷⁵⁰.

При всем сказанном следует учесть, что ни армяне-католики, ни цаты на исторической канве средневекового Крыма не приобрели сколько-нибудь значимого положения. Конфессиональная пестрота здешних армян, характерная для XIV–XV вв., отнюдь не была существенной ввиду сильной власти Армянской церкви, активной деятельности принадлежавших ей дясятков духовных центров и ее несравненно многолюдной паствы.

Небывалый подъем, наблюдавшийся в экономической жизни армянской колонии Крыма в XIV–XV вв., способствовал материальному благосостоянию армянских духовных центров. Духовенство обеспечивало свое безбедное существование как собственным трудом, так и использованием рабочей силы мирян и присвоением части их доходов. Сохранившиеся источники позволяют заключить, что в XIV–XV вв. в распоряжении армянских монастырей Крыма были земельные угодья, на которых работали и сами представители духовенства, и миряне. К примеру, один из писцов просит помянуть трудолюбивого землемельца-отшельника Ованэса, труженика Аствацатура, священнослужителей из монастыря Святого Георга – безбрачных священников и прилежных пахарей⁷⁵¹. Есть также сведения о садовых работниках, хозяйство ведших, плугарях, пастухах из монастырей Святой Богородицы, Святого Симеона и Святого Оксента⁷⁵². При этом в записях никоим образом не разъясняются условия, на которых духовные центры брали земельные угодья в собственность или в аренду, равно как и не оговаривается порядок использования труда мирян. Но можно предположить, что крымские армяне имели узаконенные податные обязательства по отношению к собственной церкви, которые в совокупности своей походили на аналогичные системы, используемые в Армении.

⁷⁴⁸ Там же. С. 125 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 2037. Л. 187).

⁷⁴⁹ Бартикан Р.М. О византийской аристократической семье Гаврас // Историко-филологический журнал АН Арм. ССР. № 4. Ереван, 1987. С. 186.

⁷⁵⁰ Саргсян Т.Э. Село Тополевка в Крыму и его армянские памятники // Вестник арменоведения. № 2. Ереван, 2015. С. 88–89.

⁷⁵¹ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона. М., 1994. С. 66, 75.

⁷⁵² Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). С. 138 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 2943. Л. 555).

⁷⁵³ Там же. С. 126.

Показательно, что представители армянского духовенства северных колоний, не защищенные статусом господствующей конфессии, вынуждены были действовать осмотрительно, чтобы в условиях конкуренции с другими церквями сохранить влияние над паствой. К примеру, писец Карапет в своей записи, составленной в 1359 г. в городе Сурхат-Крыме, обращаясь к священнослужителям, просит всячески быть осторожными, без зависти и противостояния вести дела, с любовью и согласием наладить мир со всеми людьми, ибо только в этом случае можно удержать верующих у себя⁷⁵⁴. По словам епископа Вардана Антимоса, наступивший кратковременный мир и благоприятные климатические условия в 1377 г. обусловили небывалый урожай хлеба и изобилие: «голод» чувствовался только в «последовании» к словам Божьим со стороны церковников⁷⁵⁵. В 1413 г. из Сиса, столицы уже павшего королевства Киликии, в Кафу прибывает епископ Костандин Вагкаци, которому через несколько лет суждено было стать верховным церковным главой. По поручению католикосата он с собой привозит священников, чтобы вместе с ними и местной знатью разрешить кое-какие внутренние разногласия⁷⁵⁶.

Солидную статью церковных доходов составляли денежные подношения прихожан и тех, кто, оставив мирскую жизнь, примыкал к сонму служителей Господа. На эти средства приобретались книги, утварь, строились и ремонтировались церкви, а также светские здания при них. Так, в 1307 г. монастырский настоятель Аветик Хотачарак «побудил многих к благотельности» и на полученные средства «дал построить» церковь Святой Троицы в Кафе и купол церкви монастыря Кимчак (Кемчак, Гамчак на окраине Сурхат-Крыма). Далее он заказал две книги для этих духовных центров. Тэр Аветика поддержали и мирияне, и его ученики-монахи – в надежде удостоиться Небесного царства⁷⁵⁷. В 1337 г., по повелению того же настоятеля Аветика, иеромонах Торос сконцентрировал «жилища-землянки» для церкви Святой Троицы⁷⁵⁸. В 1346 г. Аветик Хотачарак и иерей Абраам на подношении прихожан близ монастыря Святого Оксэнта воздвигли церковь Святой Богородицы⁷⁵⁹.

В первой половине XIV в. служители монастыря Гхэлташ (Кизилташ, между Судаком и Коктебелем) вместе со своим настоятелем тэр Петросом для своего духовного центра соорудили новую церковь во имя Поручительницы Святой Богородицы⁷⁶⁰. В конце XIV в. монахи Вардан и Хачатур

между городами Кафа и Сурхат-Крым построили купольный храм во имя Святой Богородицы⁷⁶¹. Еще об одной одноименной новопостроенной церкви вблизи Кафы сообщает запись 1449 г.⁷⁶²

Член армяно-католической братии фра Акоб «попечительством братьев ордена» в Кафе строит «церковь в честь Святого Николаес», а несколько лет спустя – трапезную и жилые помещения при ней⁷⁶³. В 1351 г. в той же Кафе предстоятель армян-католиков епископ Тадэос на свои средства начинает строительство «храма имени Святого Архангела Михаила»⁷⁶⁴. Во второй половине XV в. вардапет Саргис, представитель католикоса и настоятель находящегося вблизи Кафы монастыря Святого Антона, строит вокруг своей обители крепостную стену с башнями, сооружает благопристойные хозяйствственные помещения, колодезь, ветряную мельницу, а также новый крепкий храм и, желая заполнить монастырь книгами, «на средства свои» прикупает бумагу⁷⁶⁵.

По поводу материального положения армянского монашества в Крыму до нас дошло одно очень ценное сообщение. В 1431 г. писец Кристосатур пишет, что в один из банков Кафы на имя монастыря Святого Антона была положена неприкословенная сумма, на ежегодные проценты от которой кормился монастырь. Причем интересно, что процент определялся размером вклада: большие суммы вкладывались под более высокие проценты⁷⁶⁶. К сказанному следует добавить, что, по сведениям генуэзского консула Кабеллы, к 70-м гг. XV в. в Кафе проживало более десятка очень богатых армян, среди которых был и банкир Каярес. Тот за победу своего кандидата в борьбе за пост местного армянского епископа готов был дать консулу взятку в размере 200 золотых червонцев⁷⁶⁷.

Духовные центры получали существенное подспорье для своей деятельности также натурой и в виде недвижимости. Так, отец Степанос, став подвижником в монастыре Святого Антона, отдает ему своих «овец и строения»⁷⁶⁸. Один из сурхатских армян вместе с приобретенной на собственные средства рукописной книгой отдает монастырю Кимчак Святой Богородицы свою корову с тем, чтобы служители монастыря в молитвах поминали его усопшего брата⁷⁶⁹.

⁷⁵⁴ Там же. С. 137–138 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 2943. Л. 554).

⁷⁵⁵ Там же. С. 178 (Матенадаран Монастыря Святого Акоба в Иерусалиме. Рукопись 30. Л. 308).

⁷⁵⁶ Там же. С. 203 (Матенадаран Монастыря Святого Акоба в Иерусалиме. Рукопись 251. Л. 227 об.).

⁷⁵⁷ Там же. С. 57–58 (Национальная библиотека Франции. Рукопись 117. Л. 164 об.).

⁷⁵⁸ Там же. С. 72 (Национальная библиотека Франции. Рукопись 117. Л. 149 об.).

⁷⁵⁹ Там же. С. 80 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7636. Л. 275 об.).

⁷⁶⁰ Там же. С. 169 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 5557. Л. 311).

⁷⁶¹ Там же. С. 195 (Матенадаран Монастыря Святого Акоба в Иерусалиме. Рукопись 1206. Л. 593).

⁷⁶² Там же. С. 246 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 1203. Л. 255).

⁷⁶³ Там же. С. 176 (Матенадаран Конгрегации Мхитаристов в Вене. Рукопись 293. Л. 300).

⁷⁶⁴ Там же. С. 112.

⁷⁶⁵ Там же. С. 223 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7434. Л. 395).

⁷⁶⁶ Там же. С. 223–224 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7434. Л. 395 об.).

⁷⁶⁷ Колли Л.П. Падение Кафы (1474–1475 гг.) // ИТУАК. № 55. С. 147–148, 164.

⁷⁶⁸ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). С. 224.

⁷⁶⁹ Там же. С. 268 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7438. Л. 180 об.).

Благосостояние армян Крыма, равно как и армянского духовенства, привлекало внимание католикосата Армянской церкви. Со второй четверти XV в. здесь уже появляются многочисленные нвираки (нунции). Первое упоминание нвирака, которым являлся «правдолюбивый инок тэр Мелкисэт», встречаем уже в 1427 г.⁷⁷⁰ Его заменяет тэр Карапет, который вскоре становится архиепископом региона⁷⁷¹. Запись 1448 г. упоминает находящихся в Крыму сразу двух нвираков – тэр Мартироса и инока тэр Степаноса⁷⁷².

Нвираки, равно как и высокопоставленные сановники, выполнившие различные поручения двора и католикосата, из Крыма увозили деньги, товары ремесленного и сельскохозяйственного производства, книги и другие ценности. Так, епископ тэр Мартирос, помимо всего прочего, в 1448 г. увозит из Крыма рукописную «святую книгу», «серебряную чашу», собственноручно «озолоченное Евангелие, и ризу, и поручи»⁷⁷³. Упомянутый выше Константин Вагкаци, возвращаясь, увозит с собой выкупленное в Крыму великолепное пергаментное Евангелие⁷⁷⁴. Датирующееся 1260 г., оно перенято и украшено гениальным миниатюристом Торосом Рослином в киликийской крепости Ромкла для католикоса Константина Бардзраберди. Открытым остается вопрос, как и почему это уникальное творение оказалось в Крыму, да еще под залогом.

В середине XV в. в Крым приезжает епископ Амида (ныне Диарбекир в Турции) Мкртыч Нагаш. Возвращаясь обратно, он увозит с собой Святое Знамение, подаренное представителем католикоса тэр Саргисом – главой монастыря Святого Антона. Реликвия эта, в свою очередь, тэр Саргису была вручена папой Евгением IV на Флорентийском соборе (1438–1439 гг.) и содержала «частицу от древа Креста Христового». Кроме Святого Знамения, Мкртыч Нагаш увозит из Крыма собственноручно сделанный «нововидный узор крестовый» и заказанную в Кафе драгоценную ризу, расшитую крестами⁷⁷⁵.

Что касается участия армянской и греческой делегаций в означенном соборе, то оно не могло привести к сколько-нибудь значимому для папства результату, поскольку преследовало другие цели. Уния с Католической церковью, заключенная на Ферраро-Флорентийском соборе, была на-

⁷⁷⁰ Там же. С. 213.

⁷⁷¹ Там же. С. 217, 218, 226.

⁷⁷² Там же. С. 242 (Матенадаран Монастыря Святого Акоба в Иерусалиме. Рукопись 1584. Л. 652).

⁷⁷³ Там же. С. 246–247 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 1203. Л. 255 об.).

⁷⁷⁴ Там же. С. 203 (Матенадаран Монастыря Святого Акоба в Иерусалиме. Рукопись 251. Л. 327 об.).

⁷⁷⁵ Там же. С. 243–244 (Памятные записи армянских рукописей XV века. Часть 1 / Сост. Л. Хачикян. Ереван, 1955. С. 629).

правлена на объединение христиан перед турецкой угрозой⁷⁷⁶. Наоборот, жалобы армянской и греческой делегаций были услышаны и нашли свое отражение в Статуте Кафы 1449 г., одна из статей которого запретила католическому епископу города вмешиваться в дела других христиан⁷⁷⁷.

Со второй четверти XV в., по стечению различных обстоятельств, армянское духовенство Крыма, в частности Кафы, теряет главенствующую роль в жизни колонии, уступая приоритет купечеству и банковской элите. Сами священнослужители уменьшают «святопочтания в людях» во многом связывали с часто повторявшимся разорением церквей, монастырей и поселений «народом лучников»⁷⁷⁸, то есть – татарами. В 1449 г. писец Мартирос сообщает, что свою книгу на богословскую тему переписал «в горькое и недоброе время, в [пору] упадка святых монастырей»⁷⁷⁹. В 1467 г. тот же писец Мартирос пишет, что перенял Четью Минею в отсталую пору, «в недоброе и горькое время, когда уменьшились святость и праведность людская и убавились потребность страны в священных писаниях и чтение священных слов Божьих»⁷⁸⁰.

Думается, недовольство армянского духовенства было вызвано нарастанием присущих для капиталистической формации элементов социально-экономических отношений, которые генуэзцы привнесли в свои черноморские колонии. Они быстро усвоились армянским торговыми-ремесленным сословием Крыма и вскоре проявились в его деятельности, обострив сословно-классовые отношения внутри армянской общины. Сформировавшаяся в XV в. богатая верхушка кафинских армян – купцов, банкиров и крупных ремесленников, сосредоточившая в своих руках заметную часть банковского капитала, внешнеторговых сношений и производства ряда дорогостоящих товаров, видимо, стремилась избавиться от церковной «опеки». Не случайно в преддверии падения Кафы армянские вельможи, вопреки народному желанию, подкупами и взятками стремились посадить на епископский престол своего «карманного» кандидата, вместо его «многоуважаемого и начитанного» соперника, что стало причиной многолетней напряженности в городе⁷⁸¹. Кризис переживало и католическое духовенство Кафы. Оно находилось в остром противоборстве с местными христианами-некатоликами и в то же время имело серьезные разногласия с начальством фактории. Католический епископ Кафы в своих письмах, отправленных в Геную в 1450-х гг.,

⁷⁷⁶ Микаелян В.А. Армяно-католические отношения в Крыму (XIV–XV вв.) // Вестник общественных наук. № 4. Ереван, 1993. С. 52–53 (на арм. яз.).

⁷⁷⁷ Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году / Предисл. В. Юрьевича // ЗООИД. Т. V. Одесса, 1863. С. 730–731.

⁷⁷⁸ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). С. 215 (Национальная библиотека Франции. Рукопись 81. Л. 254).

⁷⁷⁹ Там же. С. 246 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 1203. Л. 255).

⁷⁸⁰ Там же. С. 262 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7433. Л. 440 об.).

⁷⁸¹ Колли Л.П. Падение Кафы (1474–1475 гг.) // ИТУАК. № 55. С. 147–148, 164.

обвинял местного консула и его окружение в продажности, алчности и предательстве⁷⁸². Все это, разумеется, имело место быть. Но, думается, основная причина недовольства как армянского, так и католического духовенства заключалась в том, что в условиях набиравшего обороты капиталистического уклада оно лишилось своей главенствующей роли в управлении, а главное – прежних экономических выгод. Церкви как близкой к феодализму структуре отводилось лишь формальное место в правящем механизме. Впрочем, это был кратковременный, сложный и запутанный процесс в жизни Кафы, которому положило конец турецкое вторжение в 1475 г., отбросив общественно-экономические отношения на полуострове далеко назад. После изгнания генуэзцев, истребления, переселения и продажи в рабство подавляющего большинства армян и греков города⁷⁸³, турецко-татарская администрация все же создала относительно терпимые условия для армянского духовенства и оставила за ним право на собственные городские церкви. По этому поводу примечательно сообщение Мартина Броневского от 1578 г. Обращаясь к бедственному положению Кафы, он пишет: «только две католические церкви и армянские остались целы, потому что турки издревле оставили им [= армянам] право иметь собственных священников для отправления богослужения»⁷⁸⁴. Это право турецкая администрация признавала за армянским духовенством Крыма и в последующие века. Но само армянское население, уже резко уменьшившееся в численности, не было в состоянии содержать доставшееся от предков множество церковных построек. Часть их, оставшись неиспользуемой, со временем разрушилась. Другую часть армянский архиепископ, единственный, между прочим, христианский глава, признаваемый турецкой и татарской администрациями, сдавал в аренду представителям тех конфессий, которые полностью или частично лишились своих церковных зданий. Это были как греки, так и католики, которые со временем обосновались в арендуемых армянских церквях. Наблюдающаяся сегодня путаница в атрибуции ряда средневековых церковных зданий в Крыму и в регионе объясняется именно тем, что армянский период в их истории чередовался с греческим или же католическим⁷⁸⁵.

⁷⁸² Данилова Л.В. Каффа в начале второй половины XV века // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии. Киев, 1974. С. 201–203.

⁷⁸³ См.: Нерсэс. Плач по Кафе (XV в.) // Армянские поэты Крыма XV–XX вв. С. 30–33.

⁷⁸⁴ Броневский М. Описание Татарии // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД), Т. VI. Одесса, 1867. С. 348.

⁷⁸⁵ Саргсян Т.Э. О численности армянских духовных центров Кафы–Феодосии. С. 38–41.